

Сип; они танцевали под эту музыку в полутемной квартире длинный характерный танец, освещенные одной единственной свечой. Вспомнил о Юсефе Хаине, классике египетского кино, который недавно на вопрос, как выглядит преисподняя, ответил: «Приблизительно как Египет». Что правда – то правда.

Как боодкх появился на свете и зачем

Посещение Монголии. 2003

Национальное блюдо монголов – сурок. Как швейцарцу, мне хорошо знаком этот маленький, пушистый зверек коричневого цвета – в детстве, забравшись в горы выше границы лесов в Бернском нагорье, я часто смотрел в перевернутый старенький полевой бинокль, как он стоял неподалеку от своей норки и наблюдал за всем, поджав короткие лапки, и, почуяв опасность, издавал сквозь длинные передние зубы долгий пронзительный свист, чтобы затем стремительно юркнуть в убежище, обратно к своим сурочьим детям.

Недавно, много лет спустя – наводя у себя порядок – я нашел листок, на котором кто-то записал мне, как готовится монгольское национальное блюдо. Я давно уже позабыл об этой записке, даже название блюда выпало

у меня из памяти – но когда я снова прочитал монгольское слово, оно невольно ожило у меня под мозговой оболочкой, волосы на руках встали дыбом, и я стал все снова и снова тихо повторять про себя слово, как будто это было заклинание: «Боодкх, боодкх». Само приготовление было скорее похоже на языческий ритуал, возникало ощущение, будто таким образом рассеивались какие-то очень древние, злые чары, будто один одноглазый шаман через дыру в континууме времени и пространства говорил другому. На листке было написано:

[Рецепт боодкха

Поймайте и убейте сурка. Лучшие всего взять топор и ударить сурка между глаз, затем перережьте ему горло. Теперь оторвите голову, а тело где-нибудь повесьте.

Острым ножом осторожно снимите с сурка шкурку. При этом постарайтесь нигде не проткнуть кожу. Разломайте животному кости и удалите их фрагменты и внутренности из кожной оболочки, извлекая все через отверстие в шее (там, где отсутствует голова). Если вы все сделаете правильно, перед вами будет лежать нечто вроде кожного мешочка без меха.

Теперь внутренности, жир и мясо надо мелко нарезать на доске и – по вкусу – хорошо посолить и нашпиговать чесноком. Это ваша начинка. Теперь положите в кожаный мешочек горячие камешки, после этого еще

слой начинки, затем снова несколько горячих камешков, и так до тех пор, пока боодкх снова не станет полным. В заключение, вы можете влить в него еще полбутылки водки, однако согласно традиции в этом нет необходимости.

Теперь снова зашейте наверху у шеи наполненный, горячий кожаный мешочек, используя леску либо проволоку. Традиционно боодкх жарится до готовности приблизительно четверть часа на пламени газовой горелки, пока его кожа почти не почернеет – это лучший способ сохранить вкус. Боодкха лучше всего кушать горячим – в холодном на вкус слишком много масла. Горячие, жирные камни, которые вы вместе с мясом извлекаете из боодкха, во время еды нужно перекладывать из руки в руку – это очень полезно для вашего кровообращения.

Охотничий сезон на сурков продолжается только с 15 июля до 15 сентября. Внимание: сурок (как и почти все грызуны в Монголии, прежде всего суслик) являются в это время разносчиками бубонной чумы – против нее помогает тетрациклин, принимаемый орально, или стрептомицин, введенный внутримышечно. Оба антибиотика трудно достать в Монголии.]

Я решил сразу ехать в Монголию. Нет, не сразу, я хотел поехать поездом, медленно вкатывая в страну, как несколько лет назад это сделал и описал в своей книге «Полет без крыльев» крупный журналист Тициано

Терцани. Транссибирская железная дорога тянется от Пекина до Москвы, и при этом экспресс делает остановку в Улан-Баторе – однако в Пекине я не достал билета на поезд, поэтому мне пришлось лететь.

Увиденная сверху, из окна самолета, Монголия представлялась большим зеленым ничто. Бесконечные дуга сменялись бесконечными лугами. Там внизу совершенно ничего не было, лишь ленивая, сочная зелень. Терцани так писал о Монголии: «Что эта монотонность дает духу? О чем может грезить народ, который живет, любит и умирает в этой однообразной вселенной – кроме как о демонах?» О боодкхе, подумал я, о сурке.

Во время медленного снижения на летное поле Улан-Батора внизу можно было разглядеть крошечные белые грибы. Молодая американка, сидевшая в самолете рядом со мной, объяснила мне, что это «гер» – юрты, большинство монголов живут в таких круглых белых юртах, сама она тоже. Она, по ее словам, преподает в маленьком поселении из юрт на границе с Казахстаном. Чтобы добраться туда из Улан-Батора, нужно тридцать часов ехать на автобусе. На ней был джинсовый комбинезон, левый глаз прикрывал черный клапан, и, разговаривая со мной, она делала руками такие движения, словно месила что-то. Ее правый, сияющий глаз светился голубизной.

Она – сотрудница американского Корпуса мира, придуманного Джоном Ф. Кеннеди государственно-го объединения молодых людей, сказала она, которые после получения аттестата зрелости или учебы в институте обязуются за небольшую зарплату два года исполнять благотворительную работу где-нибудь в мире. Я думал о бездельниках-хиппи, о брюзгливых критиканах и вечных студентах в Европе, молчал и попивал апельсиновый сок.

Сам Улан-Батор похож на раскинувшийся между невысокими грядами зеленых гор симпатичный Восточный Берлин. Светило солнце, небо цвета прусской лазури было безоблачным. Кварталы окраин состояли из плотно друг к другу придвинутых белых гер – дорога из аэропорта в город вела мимо этих юртовых скоплений, затем ряд за рядом следовали панельные строения, угольная ТЭЦ, выбрасывавшая в небо темно-коричневый дым, и, наконец, центр города, приятно для взора раскинувшийся вокруг площади, площади Сухэ-Батора. Тициано Терцани писал об Улан-Баторе, что он почувствовал себя пребывающем «в игрушечном городе, который великодушный отец в знак своей любви подарил сыну на Рождество».

Он был прав – здесь имелась пара оперных театров и музеев в русском стиле рубежа веков, кварталы четырехэтажных, напоминающих польские, зданий с хо-рошими квартирами и несколько постмодернистских

уродин из зеркального голубого стекла. Отступившая советская власть, такое создается впечатление, оставила Улан-Батор в одном из тех детских калейдоскопов, в котором опрятно организованный мир отражает в вогнутой зеркальной сфере только себя самого, оставила одного в детской комнате, после того как родители уже ушли спать.

И здесь, стало быть, я могу попробовать боодкха, подумал я, прося таксиста отвезти меня в самый лучший ресторан. «Боодкх, боодкх», – бормотал я. Со мной был только легкий багаж.

Ресторан «Ханский трактир» оказался, собственно говоря, живописным пивным садом – на деревянных скамьях, какие знакомы мне по пивному саду на Венской площади в Мюнхене, перед внушительными кружками пенного пива сидели монголы и на своем богатом согласными, мелодичном языке попеременно говорили то по мобильному телефону, то с соседями по столу. На длинном деревянном столе лежало несколько вскрытых коробок Toffifee¹. Время от времени один монгол крепко хлопал другого ладонью по спине. Монголы были очень большими. Все они выглядели как швейцарские борцы вольного стиля. На деревьях щелкали птицы. Я присел к столу.

¹ Toffifee – это конфета из шоколада, карамели, орехового нуга-крема и целого лесного ореха, продукт фирмы August Storck KG, немецкого производителя кондитерских изделий.

– Простите, что прерываю вас, – произнес я по-английски.

– No understand. You speak German?¹ – спросил один из них. На нем была маленькая шапка, хотя стояла изрядная жара. Выяснилось, что все говорили по-немецки – они изучали в ГДР машиностроение. Несколько человек, высоко подняв руки, изобразили клубок и прокричали: «Братство!», «Социалистическое братство!» и «Добро пожаловать в Монголию!» – а потом все они подняли бокалы с пивом. Монгол в шапке пододвинул мне полный бокал: дескать, я должен с ними выпить.

– Что вы делаете в нашей прекрасной Монголии? Бизнес? Дела? – поинтересовался один из монголов. На нем был распахнутый у ворота белоснежный тренировочный костюм из аэростатного шелка, а под ним ничего, так что был виден его загорелый, могучий живот.

– Я турист. Мне бы очень хотелось отведать боодкха, – сказал я.

– Чего-чего?

– Боодкха.

– Боодкха?

– Да, боодкха.

– А-а-а – боодкха!

На их лицах теперь разлилось выражение крайнего восхищения; одни зачмокали, другие поднесли ко рту

¹ Не понимаю. Вы говорите по-немецки? (англ.)

два пальца и облизали их, человек в шапке потер себе живот.

– Боодкх делает нас сильными!

– Боодкх придает нам энергии!

– И прежде всего обостряет зрение.

– Но вы должны поесть его до сентября, пока су-рок не набрал зимнего жира!

– Нет, нет! Только в сентябре он по-настоящему вкусный и масляный!

– Неправильно! Если мясо слишком жирное, оно становится терпким и плохо пахнет!

– Что ты сказал? – спросил человек в тренировочном костюме.

– А ну-ка, повтори! – произнес другой и схватил третьего за шею.

Они сейчас позабыли, что я еще нахожусь здесь.

– Прошу прощения, гм-м, его готовят на газовой горелке? – спросил я.

– Да, совершенно верно. Это правильный способ жарки. Используют газовую горелку.

– А как быть с бубонной чумой? – продолжал я спрашивать. Мужчины засмеялись и замахали руками.

– Только трусы и китайцы боятся бубонной чумы, – сказали они.

– А в каком же ресторане я могу теперь попробовать боодкха? – спросил я. Здесь, в «Ханском трактире», имелись только немецкие блюда – в красиво

оформленном меню значились курица под соусом карри и шницель, гуляш со сливками и телячьи сосиски, гавайский тост, запеченный камамбер с брусникой и Toffifee.

– Сурка вы получите, только отправившись за город, в сельских юртах, – сказал монгол в шапке – звали его Дажравдан. – Мы можем завтра для вас это организовать. У вас уже есть какие-то планы на сегодняшний вечер?

– Собственно говоря, нет.

– В таком случае пойдемте со мной на Народный стадион, там состоится концерт. Вы – мой гость.

– Да, с удовольствием, почему бы нет. А что это за концерт?

– Сегодня вечером выступает диджей Бобо.

Итак я со своим новым монгольским другом Дажравданом отправился на концерт диджея Бобо в Улан-Баторе.

Очень рано утром на следующий день рядом с моей кроватью в гостинице зазвонил телефон. Вечер получился очень жесткий. Дажравдан настаивал, чтобы мы литрами пили ферментированное кобылье молоко, а также танцевали под каждую мелодию швейцарского танцевального жокея. На концерт явились около восьми тысяч монголов, и воодушевленный рев голосов, когда Бобо на сцене представлял свои несколько странные

вещи, был оглушительным. Будильник показывал без четверти шесть. Голова у меня трещала.

– Алло?

– Мой друг, – это Дажравдан. Спускайтесь, пожалуйста, в вестибюль. Я нанял машину.

– В такой час?

– Да, разумеется. Посмотрите, пожалуйста, в окно!

Я встал, завернулся в гостиничную простыню и вышел на балкон. Солнце стояло уже высоко в небе – дни короткого монгольского лета были длинными и жаркими. Внизу во дворе гостиницы стоял Дажравдан перед «мерседесом» баклажанного цвета и махал мне рукой. Рядом с ним, покуривая трубку, стояли еще более крупный мужчина и очень маленькая, ужасного вида женщина.

– Выходите, поедem кушать боодкха! Спускайтесь же! – прокричал он мне.

Дажравдан потряс мне руку, а потом так увесисто хлопнул меня по плечу, что я едва не свалился. Он представил мне только водителя, который выбивал трубку о каблук своего левого армейского сапога, и затем госпожу Отгонбайер, которая, мол, доставит меня в сельскую местность для кушанья боодкха. Сам же он, по его словам, не мог, к сожалению, к нам присоединиться, поскольку что-то с кобыльим молоком

оказалось неладно, а что именно, он и сам толком не понимал.

Сиденья «мерседеса 190» были покрыты белыми пятнами, левая фара выбита. Впереди сел водитель, звали его Батта. Рядом с ним разместились госпожа Отгонбайер, а сзади – я. Мы проехали через пригороды, застроенные панельными домами, которые в свете утреннего солнца светились желтым и белым. У бордюров сидели маленькие мальчишки, уткнувшие носы в полиэтиленовые пакеты с растворителем, и махали нам.

– Это пригороды, – сказала госпожа Отгонбайер и указала на пригороды.

Я сделал неудачную попытку пошутить и указал на нюхающих мальчишек:

– А это плоды социализма.

– Хмм, – произнесла госпожа Отгонбайер. Она была служащей полугосударственного туристического бюро «Юулхин» и решительной экскоммунисткой. У нее были короткие черные волосы, а на носу – бифокальные очки, которые она снимала, когда говорила, обернувшись на заднее сиденье, чтобы придать своим словам выразительность. В коммунистический период она изучала металлургию в Екатеринбурге – тогдашнем Свердловске – а вот теперь стала экскурсоводом.

– Это, пожалуй, скорее плоды капитализма. Раньше ничего подобного не было, – сказала она серьезно.

– Хмм, – произнес я.

Мы выехали из города, и внезапно окрест нас раскинулся широкий, распахнутый сельский простор. Стада коз паслись на обочине, на горизонте виднелись очертания верблюжьего табуна, который неторопливой рысью исчезал за пологими, зелеными холмами.

Батта, шофер, запел песню. Из его горла исходили странные звуки – высокий тон одновременно с гулким, низким тоном. Госпожа Отгонбайер объяснила, что это монгольский хеemий, гортанное пение. Батта пел песню о двух пастухах, которые полюбили одну и ту же женщину; это одна из тех песен, сказал он, какие поются во время долгих, монотонных поездок, чтобы не задремать. Звучала песня удивительно красиво, но очень однообразно и гипнотически. Я заложил пальцем страницу биографии барона фон Унгерн-Штернберга¹ и заснул.

¹ Барон Роберт Николаус Максимилиан (Роман Федорович) Унгерн фон Штернберг (Унгерн, Унгерн-Штернберг; нем. Robert von Ungern-Sternberg; 1885–1921), участник Белого движения, диктатор Монголии. С 1908 г. служил в Забайкальском казачьем войске (хорунжий). В 1913 г. вышел в отставку и уехал в Монголию, затем вернулся к семье в Ревель. С началом Первой мировой войны служил во 2-й армии генерала от кавалерии А. В. Самсонова, был ранен, но плена избежал. Впоследствии дослужился до есаула, командира сотни. В августе 1917 г. Унгерн вместе с есаулом Г. М. Семеновым был направлен в Забайкалье с целью формирования добровольческих частей. В Гражданской войне принимал участие на стороне Белого движения, командуя Иногородской конной дивизией (позднее – Туземный конный корпус, Азиатская конная дивизия) в войсках атамана Семенова в Забайкалье. Генерал-майор (октябрь 1918 г.), генерал-лейтенант (не ранее 1920 г., реальность производства в этот чин сомнительна). Награжден Георгиевским крестом Особого Маньчжурского отряда. В 1920 г. Азиатская конная дивизия генерал-лейтенанта Унгерна выступила в сторону столицы Внешней Монголии Урги (ныне – Улан-Батор), занятой китайскими республиканскими войсками. В руках у китайцев на положении заложника нахо-

Батта, который раньше был водителем танка в монгольской армии – «танкистом»¹, как он выразился, тоже опять и опять начинал клевать носом. Тогда «Мерседес», покачивая, вело то вправо, то влево, время от времени он вскидывал голову, несколько минут пел горлом следующую песню, затем глаза у него опять слипались.

– Будьте, пожалуйста, осторожны. – Я внезапно совершенно проснулся. Мы как раз проезжали по какому-то мосту, под которым валялся «джип» – он перевернулся. Водитель, видимо, задремал.

– Я только делаю вид, что сплю, – сказал Батта.

– А зачем вы так делаете?

– Не беспокойтесь, пожалуйста, – сказал Батта. – Я был танкистом.

– Но танк, тот ведь везде проедет, а автомобиль нет. Автомобиль может и перевернуться.

Теперь нам пришлось поддерживать Батту в бодрствующем состоянии. Солнце выжигало зеленую степь, мы ехали на скорости восемьдесят километров, мелкая саранча запрыгивала в открытые окна.

дился духовный и светский правитель Внешней Монголии – Богдо-гэген. Унгерн направил на его спасение отряд особого назначения, который и выкрал пленника из города, занятого десяти тысячным войском противника. После этого был осуществлен штурм, закончившийся освобождением Урги в феврале 1921 г. Богдо-гэген присвоил Унгерну титулы цин-вана (сиятельного князя) и хана (обычно доступный лишь чингизидам по крови), со званием «Возродивший государство великий батор, командующий». После этого Унгерн сосредоточил в своих руках фактически всю полноту власти в Монголии. В 1921 г. был захвачен в плен красными и расстрелян. Богдо-гэген, после получения известия о казни Унгерна, повелел служить молебны о нем во всех дацанах и храмах Монголии.

¹ В оригинале – по-русски.

– Госпожа Отгонбайер, скажите же, наконец, что-нибудь по этому поводу, – сказал я.

– По-моему, мы ненавидим китайцев, – сказала госпожа Отгонбайер и снова заснула.

Батта извлек из полиэтиленового пакета кассету, вставил ее, и внезапно все снова проснулись – это были знаменитые хиты Boneu M. Батта, госпожа Отгонбайер и я начали подпевать, и так мы катили километр за километром по бесконечному монгольскому простору, хором распевая ‘Ra-ra-Rasputin’, ‘Ma Baker’, ‘Sunny’, ‘Hooray! Hooray! It’s a holi-holi-day!’ ‘Rivers of Babylon’. Что-то в мировых хитах Франка Фариана монголам, похоже, явно очень нравилось. Я попытался объяснить обоим, что в действительности все песни Франку Фариану напели две домработницы из Саара, нет, что весь сборник – мошенничество, однако запутался в своих объяснениях, и, в конце концов, Батта и госпожа Отгонбайер, потеряв интерес, махнули на все рукой.

Оба в огромных количествах кушали Toffifee, а в это время мы проезжали мимо полицейского заграждения, которое, однако, контролировало только движение в другом направлении, обратно в Улан-Батор. За ограждением стояли также несколько мужчин в медицинских халатах и в масках. Я оглянулся было на них, но мы отъехали уже слишком далеко.

– Что же тут контролируют полицейские? – спросил я.

– Ах, наверное, опять какая-нибудь болезнь вспыхнула, – жуя, проговорила госпожа Отгонбайер полным Toffifee ртом.

Гораздо позже, уже почти под вечер, мы достигли стоянки, скопления белых юрт. Припарковав «мерседес» на окраине, мы направились к шатрам. Мне лично была выделена большая, красивая юрта, внутри царил приятная прохлада. Юрты были изготовлены из войлока, так что летом они охлаждали, а зимой – грели. Я выпил захваченную из Улан-Батора диетическую колу, уселся у входа в свой шатер и наблюдал, как солнце медленно опускалось все ниже, погружая пастбища в золотой свет. Ко мне прибрела маленькая черная коза, я дал ей диетическую колу и немного мягкого сыра, случайно оказавшегося при мне.

Я размышлял о чудесных взаимосвязях в мире, о том, что посреди этой центрально-азиатской степи я кормил монгольскую козу швейцарским сыром; сыр был произведен, так сказать, ее сородичами, теперь великий круг молочных продуктов сомкнулся – все, так мне вдруг показалось, было друг другу родственно, близко доверительно и всегда оставалось частью нерасторжимого целого, и когда я предавался таким думам, к моему шатру подошел Батта и спросил, хочу ли я увидеть боодкха уже теперь, сегодня же вечером.

Он привел с собой молодого пастуха, представившегося мне Арумбалтом. Мы вместе отправились к юрте Арумбалта, и я познакомился с его женой и маленьким сыном, которого родители, как ни странно, нарядили в девичью одежду – на шее маленькое ожерелье из пластиковых жемчужин, платьице и серьга в ухе.

Мы пили ферментированное кобылье молоко, вкус которого немного отдавал солью и углекислотой, и ели маленькие, хрустящие, очень твердые коричневые кусочки из высушенной свернувшейся простокваши, которые назывались «аруул». Мне все очень понравилось.

Жена Арумбалта украсила их юрту вышивками, изготовленными весьма причудливо и затейливо, имелся домашний алтарь с фотографиями Далай-ламы и большая печь посреди шатра, на которой сам по себе кипел большой чан с молоком. Маленький сынишка копошился на полу шатра и играл в камушки конфетами Toffifee, которые мы ему принесли.

Мы говорили о стадах коз и о лете, в этом году очень жарком. Мы говорили также об ужасно холодной зиме два года назад, когда замерзло много животных в стаде, хотя большая черная овчарка Арумбалта изо всех сил старалась не дать животным разбрестись. Мимо проходили соседи, просовывали головы в дверь юрты, здоровались и шли себе дальше. Снаружи ржали лошади Арумбалта и радостно терлись боками о планки забора.

Я почти забыл о боодкхе, так уютно и по-домашнему было у Арумбалта. Но Батта тем временем что-то готовил снаружи перед палаткой, он позвал нас на двор в наступающую темноту. При слабом свете штормового фонаря и в последних лучах солнца он манипулировал с каким-то грызуном – положил его на деревянную чурку и походным ножиком вспорол маленькому зверьку брюхо. Степь окрасилась оранжевым светом. Зверек не был похож на сурка. Я подошел ближе, и Батта поднял глаза, с улыбкой подмигнул мне и сказал:

– Боодкх – это, знаете ли, только греза, только демон.

А потом бросил разрезанного зверька на землю.

Большой черный пес Арумбалта впился зубами в суслика и был счастлив. Пес был косматым и весь в репейниках, стоял теплый летний вечер, степь была полна мышей, и он понес маленькую тушку в пасти перед собой, снова и снова откусывая по кусочку, осторожно. Потом опустились тени.